

караван истории

**Борис
ГОЛЕНДЕР**

Родился в 1947 г. в г. Ташкенте. В 1972 г. окончил химический факультет Ташкентского государственного университета. Автор более 60 научных работ и 5 изобретений в области химии и технологии полимеров. Литературной работой занимается с 1961 г. Научный сотрудник литературного музея С. Есенина в г. Ташкенте. Автор более 100 произведений, в том числе, повести «Три дня в морозном январе», цикла биографий «Мои господа ташкентцы», книг «Окно в прошлое» (2002, Москва), «Мои господа ташкентцы. История города в биографиях его знаменитых граждан». Автор сценариев шести документальных фильмов. Редактор художественных, общественно-политических и учебных изданий.

Августейший изгнанник

документальная повесть в страницах из дневника великого князя Николая Константиновича

Его звали Николай Константинович... А фамилию произносить было необязательно, ибо он был великим князем, что само по себе означало в России принца крови, члена семьи, три столетия правившей государством...

Оренбург. Царские апартаменты при вокзале. 1 июля 1873 года.

Вновь и вновь я доверяю бумаге свои дневниковые записи – будто и не было раньше сожженных тетрадок, когда я настойчиво уничтожал свидетельства своей грустной юности. В те времена записи эти могли мне навредить, а сейчас?..

Толпы народа меня везде встречают как героя. Депутации от сословий, торжественные банкеты с многочисленными тостами за доблесть российского воинства и храбрость членов императорской фамилии, конечно, мне льстят, но уже порядком надоели.

Вот возвращаюсь из сдавшейся Хивы в столицу, где ждет меня неповторимая Фанни. Еще недавно я мчался в обратном направлении – в Азию, на театр военных действий, весь в радужных надеждах стать истинным героем посреди жарких пустынь. Хотел обрести славу боевого офицера с заветным белым крестиком на груди. Может быть, тогда великосветская толпа перестанет судачить обо мне, оставит нас с Фанни в покое, а дядя-император, наконец, даст согласие на женитьбу! Странно, почему я всегда, даже мысленно, зову эту женщину вымышленным именем – Фанни, именем героини из французской пьесы, которую с успехом играют в Михайловском театре уже несколько лет? По-настоящему ее зовут Хэрриэт Клариссима, или, как говорят в Америке, – Хэтти. И фамилия у нее до замужества была другая – Эйли. А когда Фанни металась между Лондоном и Парижем, все звали ее мисс Блэкфорд, пока она не выбрала себе звучный театральный псевдоним.

Фанни моя, Фанни! Ну почему ты не родилась принцессой? Американское нелестное прошлое, долгий путь в Европу, твоя бурная светская жизнь в Париже, о которой клеветают злые языки, – все это поставило в глазах света непреодолимый барьер между мною и тобой. Папа и мама слышать не хотят о «какой-то там авантюристке». Ну как же, старший сын главного министра России – и куртизанка! А мне все равно, я не за один день, а за два года счастья и ссор убедился, что мы созданы друг для друга. Что толку в уме, карьере, отличиях и во всех благах мира, если у вас нет возлюбленной? А если она есть, то можно прожить и без благ!

Хивинская война не сделала меня другим (мама-то думала, что сделает!). Я командовал авангардом (а это 600 человек), не раз с холодком в груди ходил в атаку и видел не только храбрость моих солдат и офицеров, но доблесть и благородство, с которыми защищался неприятель. Не получилась у нас легкая, как сначала думали, прогулка по Кызылкуму. Я закалился в походе, стал увереннее в себе и, наверное, еще упрямее. И что же? Несмотря на все мои усилия, желанная слава обошла меня стороной. Хитрый мой двоюродный братец Евгений получил-таки орден святого Георгия. Видите ли, в пылу боя его чуть не зарубил какой-то туркмен-йомуд¹. Никто того не видел, как герцог Лейхтенбергский был в ближнем сражении и подвергал свою драгоценную жизнь смертельной опасности. Все это красочно расписал вольнопер Громов, ташкентский купец и известный враль, будто бы вызволивший Евгения из опасной переделки. Так удалось им выторговать у Константина Петровича фон Кауфмана высокие награды. А мне достался лишь «Владимир с мечами» да сабля «За храбрость».

Зато каков край! Чудо! Даже сам смертельно опасный безводный Кызылкум, да и желтая широченная Амударья, преградившая нам путь. Или люди – уральцы-казаки и, скажем, пестрая конница из местных джигитов-добровольцев – незабываемы. Истинно прекрасное место на Земле! Забрать бы мою Фанни, да сюда, в неизведанное... Пусть она и избалована ресторациями Петербурга и Вены, все равно, Туркестан лучше затхлых столичных гостиных!

Решено! Оставим высший свет с носом. Настоящие патриоты меня поймут и, может быть, еще лучше узнают и полюбят. Дядя-император – ни рыба, ни мясо. Нет у него решительности необходимой государю. Вот у Его Императорского Величества Николая Павловича была решительность, а у дяди – нет! Папа все делает за него. Поэтому только он достоин и должен править Россией как дофин – перворожденный в семье настоящего самодержца, не то, что нынешний царь, отпрыск нашего дедушки, когда тот был всего лишь гвардейцем, до поры до времени и не подозревавшим о своей будущей великой судьбе. Ну а за царственным отцом и я – Николай Константинович – стану российским императором, вторым Николаем...

Берег Амударьи у Чарджуя. 4 августа 1879 года.

Высокостепенный Эмир!

Искренне сожалею, что обстоятельства лишают меня возможности иметь удовольствие лично видеть Ваше Высокостепенство.

Посылаю к Вам графа Ростовцева и сопутствующих мне ученых засвидетельствовать Вам мое уважение и благодарность за радушный прием на границе Бухарского ханства. Цель моей поездки – исследовать направление железной дороги, которая со временем соединит Петербург и Москву с Ташкентом и Самаркандом, а также и с Бухарой, столицей Вашего царства, если на то последует согласие Вашего Высокостепенства.

Николай.

На всякий случай переписываю послание к эмиру в дневник – вдруг не попадет в руки сиятельного адресата. Чуть не поставил в подписи – «Николай Второй». Впрочем, какой я теперь «Николай Второй»? Еще неизвестно, как примет письмо опального российского принца и посланную мной делегацию «высокостепенный эмир» Музаффар. Правда, он сильно обижен на Россию, десяток лет тому назад русские разбили его войска под Ирджаром, Самаркандом и Зерабулаком, и тогда Бухара потеряла свою самостоятельность. Но говорят, что обиженный обиженного легче поймет! Я ведь тоже обиженный, право сказать, настоящий изгой, обвинен во всех смертных грехах, удален от императорского двора, не имею права носить заслуженные мной ордена и мундир гвардейца. При этом издевающийся надо мной дядя-император регулярно присылает ко мне купленные врачебные консилиумы, и угодливые эскулапы охотно в очередной раз объявляют меня повредившимся в уме. Это для того, чтобы оправдать в глазах людей вздорную историю с пропажей в Мраморном дворце каких-то бриллиантовых побрякушек, которая послужила основанием для моего незаконного ареста. Так они решили наказать меня за желание переменить императора, которое я и не скрывал. Они придумали, что я выломал из оклада семейной иконы несколько ценных камней и приказал адъютанту заложить их тут же в

¹ Йомуды – один из главных туркменских родов. Исторический регион расселения – южная часть Балканского ваялата Туркменистана, около реки Атрек и в сопредельных местностях Ирана, между Атреком и Гюргенем, а также на севере, в Дашогузском ваяляте. Йомуды разделялись на оседлых, полукочевых и кочевых.

ломбарде. Будто бы все это я проделал для Фанни. Словно никому неизвестно, что в России великому князю всегда открыт сколь угодно большой кредит. Да у меня в письменном столе лежало в десять раз больше денег, чем могли стоить те камни! А моя коллекция картин и древностей, что я упорно собирал с юных лет? Она, что же, ничего не стоит? Уж я, если понадобится, нашел бы для Фанни все-все без глупейших попользований. Это граф Шувалов с Треповым получили приказ примерно приструнить меня за мою уверенность, что корона Российской империи должна быть у Константиновичей.

О Фанни, Фанни, где ты сейчас? Я знаю, на тебя спустили всех собак, и, если бы не помощь американских дипломатов, не сносить бы тебе головы! Спаслась, покинула любимую тобой Россию, но бабий век короткий – чем ты живешь в своей европейской дали? Верный мой Савельич, несмотря на неусыпный надзор цербера-графа Ростовцева, достал для меня аккуратный томик «Le Roman d'une americaine en Russie», изданный в Брюсселе и подписанный «Fanny Lear». Да, это писала действительно ты, это не подделка какая-нибудь. Только ты, умница, могла так честно выплеснуть в лицо всему свету правду о странной России и о странной нашей любви, так трагически закончившейся. Мне сказали, что взбешенный дядя-император приказал своим шпионам в Европе скупать и уничтожать все найденные экземпляры твоей книжки. Кроме того, жандармы отправили за границу провокатора, корнета Савина, который некоторое время действительно служил в моем полку. Он обязан, где только можно, распространять ложь обо мне, мол, я террорист, ограбивший собственных родителей ради помощи кучке заговорщиков-социалистов, мечтающих свергнуть императора.

Но если ты, моя неподражаемая Фанни, можешь спокойно подписывать написанное тобой, то мое имя в российской печати упоминать вообще запрещено специальным указом правительства. Я уже сочинил и даже опубликовал в Самаре краткий, но серьезный научный труд по ирригации «Аму и Узбой», чем очень горжусь, посвятил книгу своему отцу как главе императорского Русского географического общества, но имени автора в сей книге нет! Да что там «Аму и Узбой»! Я после многолетних изысканий составил огромный, на 250 страниц, проект железнодорожного пути от Оренбурга до Ташкента, за подобные труды в Европе избирают в академики, но от Александра Владимировича Адлерберга, Министра Двора, ни слуху, ни духу. Как будто они не знают, что для оживления Туркестанского края позарез нужна железная дорога!

После того, как нас разлучили, содержали меня большей частью под стражей. Ты ведь знаешь мой норов, одной посуды я перебил на целое состояние. Теперь неотлучно при мне находится пристав-наблюдатель, сейчас мой цербер – граф Ростовцев, его назначило правительство. Где я только не побывал за эти годы, сидел под замком в Крыму, обманывал (и очень ловко!) тюремщиков на Украине, оказался в Оренбурге. Там генерал-адъютант Крыжановский разрешил несколько ослабить мои путы – и я его, надо признаться, сильно подвел. Женился я, Фанни! Ты же знаешь, я без женщины никак не могу, такова моя конституция. Да и надежды у меня не оставалось никакой на воссоединение с тобой. Что мне оставалось делать? Вот я и выбрал другую: Надежду. Она дочь оренбургского офицера Александра Дрейера, молода, красива, умна, а главное, имеет власть над моими буйствами. Прямо как Екатерина Алексеевна над Петром Великим. Но, оказывается, жениться мне категорически запрещено! Хотя я при венчании назвался вымышленным именем полковника Волинского, церберы тут же прознали про то, меня насильно разлучили с женой, скрутили и указом Священного Синода расторгли мой законный брак. Затем меня перевели в Самару. Хорошо, хоть не лишили научных занятий. Теперь я мотаюсь по Туркестану с целой компанией ученых мужей, мы изучаем здешние пустыни и возможности проведения железнодорожных путей. Прекрасные люди подобрались в нашей самарской экспедиции. Взять, к примеру, отставного штабс-капитана Николая Каразина. Вот рисовальщик, так рисовальщик! Пусть некоторые и не доверяют моему коллекционерскому азарту, но я кое-что смыслю в искусстве. Редко можно встретить такого даровитого художника как Николай Николаевич. А каковы его застольные устные рассказы! Или взять наших профессоров – казанца Сорокина и геолога Мушкетова, от ежедневного общения с ними, мне кажется, я стал на голову выше...

Делю с ними все тяготы и трудности путешествия по дикой Азии. Трудности, надо сказать, немалые. Вчера туркмены-текинцы¹ чуть не перестреляли всю нашу экспедицию.

¹ Текинцы (теке) – одна из крупнейших племенных групп в составе туркменского народа. Вошли в историю как храбрые воины и искусные наездники. Исторический регион расселения – юг и центр Туркмении.

Эти разбойники не признают никаких властей и грабят всех подряд. Мы сплавились на хивинском каюке по Амударье от Термеза, как вдруг нас заметили с левого берега текинцы и открыли по нам бешеный огонь. Пули свистели вокруг, и мы стали отвечать им их же монетой. Но профессора – плохие стрелки, да и граф Ростовцев горазд только языком молоть. Если бы не наш художник и я, отменные ружейные охотники, лежать бы нам всем на дне Амударьи! Ан – нет, повалились разбойничьи бараньи шапки-тельпеки вместе с владельцами в пески, и мы ушли от погони. Слава Богу, обошлось!

Ташкент. Дом в Татарской слободе. 19 июня 1881 года.

Всеми тарантасах, напряженных почтовыми лошадьми, мы прибыли, наконец, в столицу Туркестанского края, куда услад меня Сашка Медведь. С тех пор, как я был здесь проездом несколько лет тому назад, город изменился к лучшему. Разрослась новая европейская часть. Аккуратные прямоугольные кварталы заняли уже приличное пространство на востоке от желтых полуразрушенных стен азиатского Ташкента. Построено несколько изрядных сооружений, есть и церковь в самом центре. Впрочем, европейская часть Ташкента совсем невелика, ее можно пройти из конца в конец за полчаса.

Плохо только, что ярым-падишах Константин Петрович, мой начальник по Хивинскому походу, смертельно болен.. Генерал-адъютанта хватил апоплексический удар при известии об убийстве императора. Фон Кауфман с весны лежит в апартаментах Белого Дома парализованный, не может слова произнести. Все за него решает исправляющий должность туркестанского генерал-губернатора Герасим Колпаковский. Толковый, но из простых. Он обязан в отношении меня в точности следовать букве секретной жандармской инструкции, по которой ко мне должно относиться не как к члену царствующей фамилии и ветерану достопамятной Хивинской кампании, а исключительно как к частному лицу, сосланному в Туркестан навечно. Нам с Надеждой Александровной воспрещено всякое знакомство с влиятельными людьми края. Ей в Оренбурге запретили даже с отцом и матерью повидаться, а к дверям моих апартаментов при оренбургском вокзале напуганный генерал Крыжановский выставил часовых, чтобы я, не дай Бог, куда-нибудь не вышел. И так по всему пути следования! Гулять мне дозволено лишь в городской черте Ташкента, а в случае какого-либо неповиновения генерал может меня и арестовать. Черт возьми, хорошенькое отношение к принцу, имеющему право стать императором России!

Тотчас по прибытии отправился в старый город. Над желтыми, кое-где поросшими травой, плоскими крышами домов местных обывателей царят купола мечетей с невысокими башенками минаретов. На перекрестках в крохотных чайных сидят старики и при виде нас делают «салам», проводя ладонями вдоль своих белых бород. Над всем этим несколько раз в день разносятся тягучие слова призыва на регулярную молитву – «азан». Выкрикиваемые нараспев арабские слова азана не лишены некоторой приятности, они повисают заунывной мелодией над всем старым городом и даже прекращают ненадолго постоянную суету главного центрального рынка, который здесь все называют базаром Чорсу.

Толпы ташкентцев на рынке непрерывно галдят и покупают, покупают и галдят. Если ты не торгуешься, как последний сквалыга, тебя здесь не уважают. Из-за множества лошадей, верблюдов и ослов с большим трудом пробираешься по узким улочкам базара, которые кое-где крыты циновками, положенными на тонкие жерди перекинутые с плоских крыш поперек проходов. Все это замешано на едком дыме из чайхан и тысячах разнообразных запахов. Похоже на настоящее вавилонское столпотворение! Но люди все доброжелательны, многие, хоть и с грехом пополам, говорят по-русски. Я купил замечательный чилим – так тут называют кальян. Он медный, покрыт чеканкой и со вкусом украшен крупными кабошонами местной зеленоватой бирюзы. Вот и есть уже первый экземпляр моей будущей туркестанской коллекции!

У меня, кроме Нади и сына, десять человек прислуги, не считая охранников. Поэтому ехали в Ташкент целым эшеленом из семи тарантасов. По приезде поселили нас в татарской слободе на берегу многоводного, быстрого и довольно широкого канала между внушительной русской крепостью и остатками старинной оборонительной городской стены. Дом небольшой – полужуревский, полуазиатский. Построен из сырцового кирпича и похож сверху на крепостной бастион – наружу глядят всего несколько окон с полотняными маркизами, а внутрь обращены по всему периметру двора широкие веранды на столбах, здесь эти веранды зовут айванами. Айваны полностью деревянные, полочки расписные, поддерживающие их столбы резные, и смотря на маленький садик с плодовыми деревьями и несколькими клумбами цветов. Красота, но очень жарко.

Ночью в комнатах спать просто невозможно – перебрались во двор, под лозы винограда. Буду просить власти разрешить мне переезд в сельскую местность, поближе к горам, которые ясно видны на востоке.

Дорога в Ташкент через Омск не близкая, я запасся соответствующими книгами и теперь знаю, что здешняя многоводная река Чирчик, стекающая со снежных гор Тянь-Шаня, обильно снабжает эту местность прекрасной водой. Некоторые каналы устроены еще в древности, даже один из багдадских халифов тысячу лет тому назад пожаловал крупную сумму для ремонта ташкентской ирригации. Но наплатить весь оазис водой пока не удалось. Вот, где можно применить на практике мою страсть проводить каналы! Действительно, в самом Ташкенте воды вдоволь, вдоль каждой улицы журчат веселые арыки, много зелени, правда, очень пыльной, а новый город производит впечатление настоящего парка, будто дорогие сердцу аллеи Павловска перекочевали в сердце Азии. Но на подъезде к городу я видел много земли, пустыющей из-за отсутствия орошения.

Что ожидает меня в этом краю, который за последние годы я успел так полюбить? Медленное угасание вдали от цивилизации, или бурная деятельность во благо людей? Бог весть!

Ташкент. Дом в Татарской слободе. 26 июня 1882 года.

Всех взбудоражило известие о странной смерти генерала Скобелева. Здесь, в Ташкенте, память о Михаиле Дмитриевиче особенно свежа. Ташкентцы до сих пор рассказывают о том, как он упустил шахрисябзских беков, о его скандальных дуэлях в Чиназе, когда рассерженный фон Кауфман, не разбирая, кто прав, кто виноват, приказал отправить строптивого штаб-ротмистра Скобелева обратно в Петербург. Во время Хивинского похода Скобелев стал уже подполковником Генерального штаба при кавказском отряде, шедшем к Хиве через Мангышлак. Я сам помню, как сурово отчитывал сорви-голову Михаила Дмитриевича генерал фон Кауфман в Хиве, Скобелев со своим авангардом браво штурмовал без приказа северные ворота хивинской крепостной стены, а уже шли мирные переговоры с молодым ханом. Были убитые и раненые с обеих сторон... Но больше всего говорят в Ташкенте о Кокандской войне. Тогда Скобелев фактически спас жизнь Худояр-хану и целый год воевал с мятежниками, получив за это второй крест святого Георгия и звание военного губернатора новой туркестанской области – Ферганской. На войну он ушел прямо из Нового Маргилана, возводимой им столицы области. А меня воевать с турками тогда не пустили, вместо «повредившегося в уме» боевого офицера, командира Волынского полка, за царя и отечество проливал кровь мой младший брат Костя, молоденький мичман. Он, возможно, мог бы что-то поведать мне о геройстве генерала Скобелева на Дунае, у Плевны и Шипки-Шейново, но родичей к «повредившемуся в уме» принцу, увы, не допускают по повелению то одного, то другого Императорского Величества... Довольствуюсь тем, что пишут газеты, присылаемые с опозданием на дальнюю окраину. Не вышло с Балканами, так хоть бы взяли разжалованного полковника в Ахал-теке! Как мне хотелось участвовать в скобелевском походе на текинцев! Думаю, с моим знанием пустынь, военного дела и личным счетом к разбойникам песков я бы очень пригодился в этой трудной военной кампании. Но судьба распорядилась иначе. Вот теперь – известие о такой нелепой смерти заслуженного героя. Господи, за что так жестоко наказываешь Ты Россию?

Крепость Новый Чиназ. 16 июля 1885 года.

Наконец-то я приехал на Сырдарью охотиться на тигра! Не спросясь у ишеек генерал-губернатора, мы с главным охотником Ташкента, Евгением Тимофеевичем Смирновым, махнули в чиназскиетугаи за острыми ощущениями. Еще три года тому назад на Садыр-куле, у большого бугра на выючной тропе из торгового кишлака Ак-Курган в селение Эски-Ташкент, Смирнов выслеживал опасного тигра, который, то ли по злему своему характеру, то ли из-за ранения, мешавшего ему охотиться на обычную дичь, стал нападать на людей и съел даже бай-курганского старосту. По просьбе местных испуганных людей пришлось вызывать из Ташкента служивых 12-го туркестанского линейного батальона и человек тридцать добровольцев – опытных охотников-офицеров. О том, как убили тогда тигра-людоеда на Чиназской дороге, Евгений Смирнов подробно поведал в шестом номере столичного журнала «Природа и охота» за 1883 год. А мне он рассказывал, что местные охотники с их ненадежным огнестрельным оружием до прихода русских применяли оригинальный старинный спо-

соб охоты на тигра из специальных юрт. Такая юрта, предварительно собранная из прочных деревянных реек, без дверей, с чучелом в халате наверху, должна вмещать шесть-восемь человек. Тигра окружали многочисленные загонщики, заставляли его залечь, а охотники, находясь внутри юрты и перенося ее на руках, близко подходили к зверю и стреляли. Успех охоты, естественно, зависел от прочности и устойчивости юрты, так как сильный зверь при прыжке «на огонь» мог ее опрокинуть. А туранский тигр – очень сильный хищник, он запросто может перемахнуть высокий дувал, держа в зубах добычу, ударом лапы убивает корову, а в длину прыгает на пятнадцать человеческих шагов. Размеры чучела убитого в Хумсане в 1879 году хищника, что стоит на даче сырдарьинского военного губернатора у Дархана, показывают наглядно, почему многие члены нашего Туркестанского охотничьего общества, созданного Евгением Тимофеевичем, покалечены при охоте на тигров, так сказать, приобщены невольно к числу «тигриных крестников». Но, конечно, мы со Смирновым приехали в Чиназ не для того, чтобы воевать с царем тугаев разными местными допотопными способами. Ночью затаимся в засадной яме или, если позволит местность, сделаем замаскированный помост на дереве. Только деревья здесь уж больно тонкие! Ну и привяжем рядом приманку – живого козленка. Готовлю ружье – оно никак не должно меня подвести.

Дача в селении Искандер близ Ташкента. 28 мая 1889 года.

Вижу – высоко в утреннем небе над моим деревянным домом кружит горный орел. Мне остается только следить за этой вольной птицей сквозь листву виноградника, проснувшись рано утром на своей любимой тахте посреди сада.

Что-то давно я не делал записей в дневнике – видно, невольно числил эти записи неотправленными письмами к Фанни. Бедная Фанни! Три года тому назад «услужливые» церберы подсунили мне французскую газету с сообщением, что она умерла где-то в Ницце, покинутая всеми. Но я-то никогда не забывал ее. Вот только судьба лишила меня малейшей возможности хоть на минуту увидеть и обнять эту чудную женщину! День нашей встречи – 22 февраля – можно сказать, главный праздник в моей жизни. Все эти годы я чтил священную для меня и для Фанни дату и превратил наш день в некий ритуал. Никто не знает, только Бог тому свидетель, как я оплакиваю несравненную Фанни!

Скоро мне стукнет сорок... Половина этого срока пролетела в неволе. А ведь был я когда-то командиром полка императорской гвардии, сватался к немецкой принцессе, пировал в роскошных дворцах, слыл завсегдатаем антикваров и картинных галерей Европы. Где все это? Теперь вот шеголяю в партикулярном платье на дальней окраине империи, держу неизбывное зло на дядю-императора, царствие ему небесное, да и его преемник, братец Сашка, которого я как-то прилюдно обозвал Медведем, не лучше. Без надзора мне не дают шагу ступить, еле упросил своих тюремщиков перевести меня в любезный моему сердцу Туркестан. И пожаловаться некому, разве что в дневник напишешь об истинном положении дел – и как-то легко становится.

Живу в ташкентских предгорьях Тянь-Шаня под надзором туркестанского генерал-губернатора, недавно назначенного начальником края после смерти Константина Петровича фон Кауфмана немца Розенбаха, а я немцев с детства не терплю! Он тоже меня не жалуется, за выдуманную провинность данной ему властью посадил на целые полгода под домашний арест! Местное общество этого Розенбаха весьма не любит, за глаза его называют «никаким губернатором». Смотришь, в газете вдруг опечатка появляется в официальном сообщении, такая странная, и думаю, не случайная: «его высокопревосходительство генерал-губернатор Разиня ах». Все здесь ожидают, что немца уберут.

Одна радость – я прилежно провожу ирригационные работы. Дело это увлекательное, сугубо топографическое и, отчасти, даже научное. Самый большой мой арык вот-вот начнет действовать на правом берегу Чирчика, длина его пятьдесят верст, и оросить он должен почти десять тысяч десятин. А надобно знать, что по местным мусульманским законам ожививший залежную землю – ее полный хозяин. Мой канал отведен от реки у большого, хорошо заметного отовсюду кургана. Я часто поднимаюсь на него, обзираю чудные, живописные окрестности и благоволяю всех, кто в будущем окажется здесь. Пусть над ними всегда будет милость Господня!

Старики рассказывают, что в этих местах в седой древности бывал сам Александр Великий. Македонского героя они зовут «двурогий Искандер». Вот и готово название

для канала и основанного мной селения. Неплохо звучит – Искандер! С одной стороны, вроде бы российское императорское имя в здешнем произношении, а с другой стороны, Александр – да не тот! Родила мне Надежда Александровна второго сына, пусть тоже зовется Александром. А то старший наш отпрыск имеет редкое для императорской семьи имя Артемий. Это я назло всем нарек его в честь злейшего врага самовластья, министра Артемия Вольнского, первого поборника российской конституции во времена матушки императрицы Анны.

Искандер-арык принимает ручьи с безлесных окрестных гор, а это опасно, особенно весной, могут сползти вниз глинистые склоны, здесь говорят «проходит сель», всю нашу работу может уничтожить. Я нанял добровольцев, чтобы сажали на склонах деревья вдоль специально сделанных террас – для укрепления почвы. За каждое посаженное деревце платил я по серебряному целковому с портретом Сашки Медведя, пусть зашишает хоть таким способом мой Искандер-арык. Теперь я никакого селя не боюсь! А миндальные деревья разрослись в устье Акташ, и эти места постепенно превращаются в чудесный курорт.

Часть оживленных земель я сдал в казну, часть – внаем желающим за очень скромную плату. Появились кое-какие свои деньги – можно теперь не обращаться за каждой мелочью к неусыпно опекающим меня жандармам.

Ташкент. Дворец. 12 сентября 1890 года.

Наконец-то я обрел достойное помещение в Ташкенте! Местная знаменитость – архитектор Вильгельм Гейншельман – за два года построил мне дворец в самом центре города, напротив Иосифо-Георгиевской церкви. Впрочем, дворец – это сильно сказано, скорее красивый симметричный дом, похожий немного на замок охотника. Этот Гейншельман очень неплохо переработал (с моей помощью) опубликованный лет двадцать тому назад довольно пряничный проект академика Харламова, предназначенный для здания российского посольства в Японии.

Как когда-то в Питере при устройстве апартаментов для Фанни я тут сам вникал во все тонкости строительного искусства, подгонял проемы стен под размеры моих картин и даже выбирал гастрономические изречения для столовой. «Чару пить – здраву быть», разве плохое присловье?

Дворец кажется совсем небольшим, но в нем целых три этажа. Все парадные комнаты – на втором этаже, а службы – на первом. Мой кабинет с библиотекой невелик, но удачно расположен прямо над парадным входом, а ведет в него оригинальная винтовая лестница из чугуна художественного каслинского литья.

Повернешь от входа направо – тебя встречают залы барочного и венецианского вида с соответствующими картинами и мебелью, повернешь налево – попадаешь в оранжерею с итальянскими мраморными скульптурами. Здесь я иногда никак не могу наглядеться на прекрасную Венеру, изваянную Томмазо Салари прямо с моей возлюбленной. Сама Фанни так красочно поведала в своих записках о том, как тогда в Неаполе, в далеком 1873 году, хитроумный маэстро с помощью гипса делал первоначальную модель – точную копию ее тела! Эта сцена часто оживает передо мною, и меня начинает одолевает смертная тоска...

За оранжереей построены восточные комнаты с редкостными коврами и оружием. Здесь и георгиевская сабля, которой меня наградили за Хивинский поход.

Портреты царственных предков я повесил в восточной анфиладе боковых комнат, ближе к домашней часовне. А коллекцию художественных кальянов и трубок разместил на противоположной стороне дворца, в курительной комнате за резными дверями. Комната сплошь расписана тремя местными азиатскими умельцами в старинных стилях «гирх» и «ислими». Мне все здесь нравится – от изукрашенного потолка до наборного паркета из ценных пород дерева.

В парадной столовой я приказал сложить большой и нарядный камин. А на каждой каминной плитке, если присмотреться, можно различить очертания российского герба. Из бордового зала, украшенного полотнами академиков, хорошо виден ухоженный сад, который окружает весь дворец. В этом саду живущий в Ташкенте племянник бывшего архитектора двора Его Императорского Величества Николая Павловича некий свободный

художник Алексей Бенуа достраивает два просторных флигеля. Во флигелях я задумал поместить зверинцы, один – натуральный, а второй – фигуральный, там будет обитать служба жандармской опеки надо мной.

Итак, я имею теперь достойную резиденцию в Ташкенте. Можно устраивать и свои дальнейшие ирригационные дела. Присмотрел место у Беговатских порогов в Голодной Степи. Это уже будет не простой арык на сравнительно небольшом Чирчике, а настоящий канал на великой реке Средней Азии – на Сырдарье. Правда, нужны на то немалые деньги. Все, что отпускает казна, я потратил на дворец...

Ташкент. Дворец. 15 января 1892 года.

Позавчера телеграф принес печальную весть. Не стало папа. Мне горько сознавать, что я, его старший сын, узнаю об этом, находясь в вечной ссылке на краю империи, и лишен права преклонить колена перед его гробницей в Петропавловском соборе. Он был великим человеком, но ничего не смог сделать для меня, убоюлся моих крамольных убеждений о передаче императорской власти в его руки. Только один раз за все время моей неволи, в Твери, император разрешил ему увидеться со мной. Ни он, ни я не могли тогда сдержаться слез, и папа рассказал мне правду о страшном положении, в которое он попал при моем аресте, когда он был вынужден принять с благодарностью любой издевательский результат придуманного моими тюремщиками дела. Это была несомненная провокация не против меня, а против отца, заговор разных Адлербергов, Шуваловых и других его противников. Ведь папа был «серым кардиналом» эпохи, он, а не кто-то другой, водил рукой так называемого «царя-освободителя» в пресловутой крестьянской реформе, он оснащал российский флот паровыми машинами вместо парусов, он вдохновлял и снаряжал географические экспедиции в полярные и иные страны. Папа все умел! Как самозабвенно играл на скрипке этот важный сановник, председатель Государственного Совета Российской империи, с оркестром знаменитого Иоганна Штрауса! Да, папа все умел! Сашка Медведь терпеть не мог папа! В свое время в Варшаве мой отец, наместник в Царстве Польском, прилюдно назвал присланного ему в помощь неуклюжего крестника свиной и пригрозил отправить обратно в Петербург. Став императором, мой злопамятный братец этого не забыл и быстренько отрешил моего отца от всех важных государственных должностей. Корабль реформ повернулся тогда в противоположном направлении. Сгинул и лелеемый отцом проект российской конституции. Я хоть и обретаюсь далеко от событий, но хорошо представляю себе всю подноготную происходившего. Через некоторое время папа хватил апоплексический удар. У нас здесь Константин Петрович фон Кауфман в таком же ужасном положении между жизнью и смертью прожил только тринадцать месяцев, а отец лежал парализованным в Павловске несколько лет. Энергичный человек стал беспомощным, к нему не допускали его любимую, но незаконную супругу-балерину, внучку великого Каратыгина, и двух моих сестер, которых, правда, я никогда не видел. Вот тогда, наверное, по-настоящему почувствовал папа, каковы мои мучения в неволе... Оля написала мне из Греции, что папа, пока был здоров, отослал к греческому королевскому двору еще одну нашу сводную сестру – Машу. Она была принята фрейлиной к сестричке Оле, носит какую-то непривычную французскую фамилию и, следовательно, – вовсе не дочь балерины Кузнецовой. Ай да папа, ай да молодец! Упокой душу раба Твоего, Господи, великого князя Константина Николаевича, прости грехи его тяжкие, Святый Боже!

Ташкент. Дворец. 26 февраля 1896 года.

Вернулся только что из Белого Дома. У генерал-губернатора собирались уже во второй раз все образованные люди Ташкента. И не для светского раута – для великих дел. На прошлом заседании под Рождество, наконец-то, основано в нашем крае нечто вроде Академии. Господа-востоковеды в высоком собрании выступали один за другим и, надо отдать им должное, очень убедительно доказывали, что науки история и археология требуют непременно образовать общество для систематического изучения края. У нас древностей – хоть отбавляй, куда не ступи – везде следы великих империй, холмы усыпаны древними черепками, а на базарах запросто можно купить античные и куфические монеты, которых, пожалуй, нет и в прославленных европейских музеях. Старинные ковры хра-

няют в своих орнаментах тайны степных народов, а форма чеканных кувшинов, ей-ей, ведет родословную со времен прославленного на Западе и Востоке Искандера Двурогого.

Наш генерал-губернатор, барон Анатолий Борисович Вревский, принял на себя почетное звание Председателя нового общества, а мой старый знакомец Евгений Смирнов сделал в собрании большой доклад о древностях в окрестностях Ташкента. Мы с докладчиком не раз хаживали за фазанами и кабанями, даже охотились на царя тугаев – туранского тигра. Я знал Евгения Тимофеевича не только как азартного охотника, но и как очень неплохого литератора, однако не ожидал, что он так обстоятельно изучил местную старину. Живешь здесь, живешь и как-то забываешь о великой древности этой земли. Скромнен Ташкент, неказист старинный глиняный город, его мечети не блестят на солнце многоцветными изразцами, как в Самарканде, лоск прямых современных проспектов нового города скрывает подлинно мафусаилов возраст Ташкента. Не в меру скромнен он... Вот и нашу академию востоковедов назвали просто – Туркестанский кружок любителей археологии. Сегодня в него вступили и образованные местные мусульмане. Я бы особо отметил полковника Джурабия с сыном Аллакули. Полковник – бывший бек Китаба – принадлежит к очень знатному туркестанскому роду – он как-никак потомок самого Амира Темура. Хотя Скобелев его и не догнал при отступлении шахрисябзцев, обстоятельства все равно сделали его пленником России, по сути – узником, как и меня. Сближает нас и присущий нам собирательский азарт. Бий ревностно разыскивает старинные мусульманские рукописи, составил в Ташкенте солидное собрание исторических и поэтических восточных книг. Первую библиотеку Джурабия, большую и очень ценную, конфисковали как военную добычу во время Шахрисябзской кампании в августе 1870 года и перевезли в Петербург...

Мое же собрание старинных манускриптов и автографов не восточное, а западное. Когда-то в Италии удалось купить несколько пергаментов, в том числе подлинный договор 1413 года между Генуей и Флоренцией на десяти листах. С него и пошла моя коллекция документов. Я ее тщательно разобрал, где возможно, снабдил комментариями. У меня есть грамоты средневековых королей Франции, Итальянских государств и Германии, частные письма времен Французской революции и Наполеона, архив Рейхеля, главного резчика Петербургского монетного двора при Его Императорском Величестве Николае Павловиче. Так что меня приглашают в высокое собрание членов Туркестанского кружка любителей археологии как собирателя древних документов.

Ташкент. Дворец. 11 сентября 1900 года.

Я снова под домашним арестом. Мои церберы никак не унимаются. Впрочем, я перед высочайшим двором, конечно, провинился. Как же – обвенчался с Валерией под моим наследственным именем, могу теперь иметь законных, освященных церковью детей, моих наследников, будущих императоров всероссийских...

Грешен я, Господи, и в гордыне своей, и в жизни личной! Еще два десятка лет тому назад Священный Синод развел меня с Надеждой Александровной. Можно сказать, все эти годы она жила со мной в качестве – кого? Ну и что же, что есть дети! Дети получили недавно столь необходимое им потомственное дворянство и фамилию Искандер, по первому моему загородному имению, как и их мать. И это после многолетних хлопот перед третьим уже по счету императором. Обидел меня племянничек Николаша! Артемий и Александр – настоящие Романовы, в них живет дух Петра Великого, матушки Екатерины, Павла Петровича и моего деда, а тут – Искандеры.

Что-то перевернулось внутри меня в эти годы непрерывного унижения. Особенно после той безумной истории в Голодной Степи, когда я взбеленился, как бык на корриде, велел закопать приезжего хлыща-доктора за флирт с Надеждой Александровной по горло в землю на берегу Сырдарьи по обычаю местных ханов. Ее саму выгнал из дома прямо в тугаи, хищным зверям на съедение. Не съели ее, слава Богу, дворня спасла! Доктор тоже остался жив, только умом сдвинулся, что будет ему навечно уроком – на чужой кусок не раскрывая роток! А мне-то каково? Метался по степи, как голодный тигр.

Вот тогда я и встретил Дашу. Ее родители – уральские казаки-старообрядцы Часовитины. Со времен Екатерины Великой соблюдают они строгие свои уставы, уйдя из России в Туркестан. Так получилось, что Даше грозила смерть за некую ошибку юности. Очень понравилась мне Дарья Евсеевна, я взялся ее защитить и забрал к себе. Теперь у нас трое

детей, я их люблю, но наследниками моими они никак не могут стать по причине своего происхождения.

А мне позарез нужен законный наследник! Вот я и обратил внимание на красавицу-гимназистку Валерию, младшую из трех детей Хмельницких. Хмельницкие – старинный шляхетский род. Отец, правда, бросил семью и служит сейчас в Самарканде, но мать Валерии – благороднейшая женщина. Наверное, некий польский дух довлеет над нашей семьей Константиновичей, ведь как любил Польшу папа, когда был наместником в Царстве Польском! Его хотели убить польские мятежники, а он благоволил им и даже назвал польским именем родившегося в Варшаве моего самого младшего брата. Вот и негодяй Громов, доброхот брата Евгения Лейхтенбергского, служивший управляющим у меня в Ташкенте из милости, клеветал, что я будто бы глава заговорщиков-поляков в Туркестане, задумавших свергнуть царя. Ох, и попортили мне нервы жандармы, расследуя выдумки Громова из его многостраничного лживого доноса! Ну да ладно – дело прошлое. Однако верно заметил прохвост Громов – люблю я все польское и, особенно, польских дам. Пишут, что даже Бонапарт имел эту слабость. Так и я на старости лет без памяти влюбился в Валерию Хмельницкую.

Зимой этого года в храме Троицкого поселка под Ташкентом, по дороге на Искандер, мы окончательно решили идти с Валерией под венец, но нас отказались повенчать, священник испугался категорического запрета властей. И тогда я уговорил отца Алексия, что служит в голодностепской поселковой церкви, совершить таинство брака в домовый часовой дворца.

Петербург страшно всполошился. Примчалась в Ташкент комиссия во главе с адмиралом Кознаковым и врачами столичными, они всё немедленно аннулировали, меня арестовали, а законную мою супругу Валерию Валериановну выслали на Кавказ. Хорошо еще, что мне удалось отправить для прислуживания ей своего человека, Маюсуфа Парменачи.

Жду решения собственной судьбы и бешусь. Они с умным видом записали, что мне «не может быть представлена полная свобода». Как будто полная свобода у меня была!

А я прожил на земле более полувека...

Ташкент. Дворец. 13 мая 1909 года.

Как давно я не касался этих страниц! Но вся моя переписка и бумаги прочитываются черберами. Как тут не вспомнить о тайнике с дневником в укромном уголке дворца. Для откровенностей только и остается этот дневник!

Злая воля моего племянника Николаши повлекла меня вновь по империи, опять потянулись под стражей долгие годы в несвободе, унижении и разлуке со всеми, кого я люблю. Лишь в Балаклаве – светлое окно во мраке – допустили ко мне мою сестричку Олю, королеву элинов, а потом – опять ночь, тоска, ненавистное мне бездействие. Лишь вынужденные перемены в управлении империей побудили императора разрешить мне возвратиться в Ташкент.

В свои двадцать лет я когда-то перечислял в дневнике собственные недостатки с тем, чтобы их изжить. Набралось много, и я намеревался с ними бороться. Ничего из этого не вышло. Теперь чувствую, недостатки мои только увеличились в числе. Например, рациональное начало, так необходимое в наше время, – оно полностью отсутствует во мне. Чего я только не наделал в жизни! А эта глупая сентиментальность? Меня до слез умиляют шенки и котята, я, словно Дед Мороз, готов бесконечно возиться с малыши детьми...

Во дворце все эти годы жила малюсенькая девочка-сартянка. Она родилась, когда меня увезли в оковах из Ташкента в наказание за свадьбу с Валерией Хмельницкой, а Надежда Александровна осталась присматривать за всем. В ту пору наш дворник Абдурахман, бывший мираб на Зах-арыке, женился на какой-то молодой вдове, и та родила ему дочку, названную Ходжар, что значит по-арабски «Странница». Новая жена Абдурахмана умерла от тяжелых родов, а отец решил не отдавать малютку родственникам жены, что жили на Сагбане, и сам выходил девочку. Когда я вернулся в Ташкент после объявления свобод, дарованных Конституцией 17 октября 1905 года, Ходжар была уже прелестным маленьким и очень подвижным чертенком, она очень оживляла жизнь дворца. Я привязался к ней, дарил ей игрушки и разные вещи, нанял бонну, которая учила девочку хорошему русскому языку, катал по Ташкенту в своем роскошном экипаже. Не прошло

и нескольких лет, как ее отец, а также сводный брат Каюм, совсем юноша, служивший у меня конюхом, – оба умерли от инфлюэнции. Теперь мне казалось, что перед Богом только я ответственен за сироту, а она постепенно превращалась в стройную черноволосую девушку, которой так шли подаренные мной платья из красного шелка...

И вот вчера – я был в своем имении «Золотая Орда» в Голодной степи – ее украли из дворца. Примчавшись в Ташкент, я обегал с полицейскими и дворней весь Сагбан, заглядывая во все чуланы и хумы, тряс за грудки аксакалов, искал в Кок-Тереке, откуда была родом ее несчастная мать, но Ходжар как сквозь землю провалилась.

Вечером из старого города передали записку – жива Ходжар, с ней ничего страшного не случилось, подкупив миршабов, ее увели дальние родственники – по шариату нельзя готовой к замужеству мусульманке жить у неверных.

Какое несчастье! Ну почему мне вечно не везет?

Ташкент. Дворец. 17 октября 1911 года.

Приехал Костя! Значит, времена меняются! Ко мне до сих пор никого из родичей не допускали. Костю я не видел со времени его мичманства. Он стал солидным, вальяжным мужчиной – сразу и не узнаешь. Но мне кажется, что передо мною все тот же мой милый братик, хилый, как и я – папа был так обижен на нас за отказ от флотской карьеры по причине плохого здоровья. Костя близорук, подобно мне и Оле, любит после обеда крепко поспать – «буквально десять минут». Он признался мне, что в последнее время чувствует себя совсем неважно, собирается с женой ехать в Египет для лечения. Я попросил его подробно записывать все о стране древностей на Ниле. Костя, как и я, постоянно ведет дневник.

Брат по-прежнему на моей стороне. Когда он был командиром Преображенского полка, главного воинского соединения России, у него в подчинении находился наследник престола племянничек Николаша, нынешний император, и Костя даже доверительно и конфиденциально беседовал с ним обо мне. Но не преуспел...

Я белой завистью завидую своему младшему брату. Он слывет в обществе настоящим морским волком, носит георгиевский крест за Дунай, выбран российским академиком, наряду со Львом Толстым и Стасовым, и не просто академиком, а президентом Российской императорской Академии наук. Все давно уже знают, что очень хорошие, напечатанные в столичных изданиях стихи и переводы некоего поэта К.Р. – это творения моего брата Кости, великого князя Константина Романова. Сейчас он упорно работает над эпохальной драмой «Царь Иудейский», читал мне отрывки из этого поэтического спектакля о нашем Спасителе и сказал, что даже не знает, разрешат ли пьесу к публичной постановке. Ну да ладно, если не разрешат, сам будет играть на домашнем театре.

Я тоже не чужд сочинительству, но куда мне до него! Жизнь литературная в Ташкенте в зачаточном состоянии. Пытался мой знакомец – бравый охотник и востоковед Евгений Тимофеевич Смирнов – лет пятнадцать тому назад издавать особый литературно-исторический журнал, да заглох его «Среднеазиатский вестник» на первом же году существования. Теперь со скрипом идет толстый журнал «Средняя Азия», но тоже, наверное, умрет – я слышал, что не набралось и двух сотен подписчиков. Косте я подарил первую ташкентскую книгу стихотворений местных пиитов – Леона Порошина, Павла Поршакова и Александра Ширяевца. Ее напечатал мой знакомый книготорговец Марцелл Собберей. Книжный магазин этого русского итальянца стоит в двух шагах от моего дворца и исправно снабжает меня новинками. Прочитав туркестанские опусы, Костя особенно похвалил Александра Ширяевца с его лирическими «Ранними сумерками» в народном духе. Я знаю этого Ширяевца – он внешне вообще не похож на стихотворца и работает телеграфистом в главной почтовой конторе города.

Радостна и мне, и ему была наша встреча. Но для отвода глаз, конечно, он официально приехал не ко мне, а для ревизии ташкентского наследника цесаревича кадетского корпуса – как шеф над российскими кадетскими корпусами. Костя уже побывал за Саларом. По всей России кадеты и офицеры-воспитатели души в нем не чают. Брат сказал, что успел познакомиться и с нашим корпусом, был на уроке литературы у старших кадетов, катался с младшими в открытом кабриолете по улицам нового города, удивляя полицейских и зевак.

Костя сулит мне всякое возможное с его стороны содействие, но я махнул на это

рукой. Возврата назад, в Петербург, не мыслю, я теперь – подлинно гражданин любимого мной города Ташкента, столицы чудной страны Туркестан!

Ташкент. Дворец. 5 октября 1913 года.

Когда меня арестовали в Мраморном дворце Санкт-Петербурга, племянничек Николаша, нынешний император, был малыш несмышленный, и я, конечно, не ведаю, каков он стал теперь, когда вырос. Но не думаю, что это достойный короны человек. Однако же именоваться мне, если что и выгорит, теперь следует Николаем Третьим...

В том далеком другом мире меня давно уже объявили умершим. Недавно Костя с верным человеком переслал мне в Ташкент американскую газету «Нью-Йорк таймс» за 13 августа 1913 года, и в ней помещена большая статья обо мне с интервью! Да, был у нас в гостях некий путешественник из-за океана, капитан Харви, дивился на красоту дворца, хвалил качество напитков, поданных к столу, удивленно тарашил на меня глаза. Но кто ж знал, что он напечатает беседу со мной и Надеждой Александровной в известной газете? Мы не скрываемся, принимаем во дворце и местных владетелей, и министров, приезжающих в Туркестан, и ученых-путешественников. Но чтоб интервью на весь мир?! Странно, что за это не последовало окрика от Министерства Двора, видимо, на меня уже махнули рукой.

Житье-бытье мое в Туркестане действительно стало легче и, скажем, почетнее. На юбилей (трехсотлетие династии) почти все ташкентское общество меня поздравляло, заезжал даже сам генерал-губернатор Самсонов, лихой кавалерист. Александр Васильевич помог мне своим авторитетом, когда я задумал строить дома с бесплатными квартирами для солдат-ветеранов у Воскресенского базара. Заселили целых шесть новеньких корпусов у музейного домика генерала Михаила Григорьевича Черняева. Тут же стоит тот бронзовый бюст, что я подарил несколько лет тому назад Городской Думе. Раньше бюст покорителя Ташкента стоял перед моим дворцом, там, где сейчас держит земной шар над собой итальянский мраморный Атлант.

И ученые люди Ташкента должны быть мне благодарны. Я передал полторы тысячи своих редких книг Туркестанской публичной библиотеке. Библиотека содержится неплохо, но каталог моих книг напечатали так безобразно, что я приказал его переделать.

В нашем краю много способных молодых людей, но не все могут заплатить за ученье. Из своих фабричных доходов я учредил десять именных стипендий для неимущих студентов-туркестанцев в университетах обеих столиц, а также в Казани, Харькове, Киеве и Томске.

Для чего я это делаю? Да каждый порядочный человек обязан участвовать в делах благотворительности, а надо мной висят еще и грехи мои тяжкие!.. И у мусульманского Пророка есть такой завет: отдай обществу добровольно и не бахвалясь часть от доходов твоих и будешь спасен в день Страшного Суда. Может, зачтутся мне благие дела в будущей жизни?

Дела мои идут успешно, доход от нескольких фабрик, аренда базарных рядов, урожаи в имениях Искандер и Золотая Орда сделали из великого князя очень даже независимого предпринимателя с годовым доходом в миллион рублей. Удобно ли принцу быть капиталистом? Это вопрос!

А в драгоценной для моего сердца Голодной Степи ирригаторы заканчивают прокладку нового большого оросительного канала – Романовского. Говорят, заслуги мои будут упомянуты на стелах с двуглавыми орлами, что сейчас устанавливают на головной плотине у станции Хилково. Мне принесли для прочтения проект надписи, которую отольют на чугунной доске, укрепленной на плотине. Устроители предполагают там написать: «Сей Романовский канал предназначен для орошения северной части Голодной Степи, начало оживления коей положено Его императорским Высочеством великим князем Николаем Константиновичем сооружением канала императора Николая I в 1897 году». Ну что я могу возразить на такую лестную надпись! Видно, действительно, времена меняются. Через месяц – молебен, открытие канала с пуском воды. Непременно поеду на это торжество.

Будут на этой безлюдной земле цвести сады! У Николая Николаевича Каразина, с которым мы отстреливались от разбойников-текинцев на Амударье, – за прошедшее время он стал знаменитым художником и академиком – есть такая картина «Смерть коня – смерть всаднику». Николай Николаевич изобразил типичный случай: у одинокого, пересекающего Голодную Степь киргиза пала лошадь. Поднимается жаркая пыльная буря,

кончился запас воды, и пешком не дойти до мест, где можно было бы утолить жажду. С ужасом смотрит кочевник на умирающую лошадку, понимая, что теперь и в его жизнь заберет мрачная безводная Голодная Степь. Глядя на картину, начинаешь понимать величие работы ирригатора, а этой работе я отдал столько сил и энергии! Искандер-арык, канал императора Николая Первого, Романовский оросительный канал – это этапы моей жизни. И все каналы действуют, журчит живительная вода, зеленеют по берегам поля и сады, кипит жизнь в новых селениях, где еще недавно буквально ничего не было. Не стыдно предстать перед Господом!

Ташкент. Дворец. 14 июля 1916 года.

Завтра иду выступать на заседании Городской Думы. Накопились у меня вопросы к Управе, да и надобно ясно рассказать господам-ташкентцам о своих намерениях. Чтоб ничего не упустить, оставлю, пожалуй, тезисы своей речи. Буду настаивать на уступках с их стороны по поводу отдельного специального прохода к моему летнему кинематографу в Городском Саду, скажу о постройке ограды вокруг дворца, но главное-то, главное... Пусть это будет выглядеть так:

«Генерал-адъютант Розенбах, туркестанский генерал-губернатор, поручил знаменитому инженеру Гейнцельману построить для меня великолепный маленький дворец в Ташкенте против Иосифо-Георгиевской церкви. Сюда были собраны все редкости, хранившиеся у меня с детства, все мои исторические портреты, картины, художественные вещи, оружие и статуи. Музей этот я решил тогда же завещать любимому моему городу Ташкенту, на что я буду просить Высочайшее соизволение, если представителям городского самоуправления угодно будет принять мой дар после моей и Надежды Александровны смерти»...

Ташкент. Дом Д.Е. Часовитиной на Шелковичной улице. 1 декабря 1917 года.

Со мной моя Даня, наша с Дарьей Евсеевной дочь. О большевиках она рассказывает страшные вещи. Да и действительно, стрельба в городе не утихает. Но, надо сказать, меня лично никто не трогает. Может, потому, что я весной носил красную ленточку в петлице? Кому, впрочем, нужен больной старик, будь он хоть великий князь!

Почти весь год я провалялся в постели. Чем только не лечили меня ташкентские эскулапы! Когда сердце шалит и легкие не в порядке, трудно хорошо себя чувствовать. Даже чудодейственные новейшие европейские лекарства, что переслала из Петрограда для меня милая моя Оля, заботливая сестра милосердия и королева эллинов, не помогают. Надо, на всякий случай, устраивать свои денежные дела – мало ли что может случиться!

Дарьей Евсеевне я доверил надзор за моими фабриками и доходными домами, а Надежде Александровне – за дворцом-музеем. Еще в прошлом году на заседании Городской Думы я публично высказал свое желание передать дворец и все, что в нем, любимому моему городу Ташкенту для организации общедоступной галереи искусств. Тогда еще требовалось на это одобрение императора, а теперь, когда племянничек Николаша отрекся, я сам с усам!

Дороговизна, между тем, за год росла стремительно, и лишь какие-то доходы, вернее, доходики от двух моих кинематографов позволяли сводить концы с концами. А тут еще на несчастье сгорела деревянная «Зимняя Хива»! Надежде Александровне пришлось ее восстанавливать одной, я-то был лежачим больным. Тут уж и бриллиантовые украшения Надежды Александровны пришлось продавать. Какой поворот судьбы! Мне приписывали не существовавшую кражу каких-то бриллиантов тогда в Петербурге, а я сейчас продаю ювелирам реальные драгоценности моей жены, чтобы сохранить и поддержать ценную художественную коллекцию, предназначенную мной в подарок народу! Ею будут распоряжаться ученые-туркестанцы, которые, несомненно, создадут в Ташкенте университет.

Я часто вспоминаю строчки стихотворения, которое написал брат мой Костя, упокой его душу, Господи:

*И пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь.*

Он-то заслужил, а я?

Завешание

Ташкент. 12 декабря 1917 года.

Я, нижеподписавшийся великий князь Николай Константинович Романов, находясь в здравом уме и твердой памяти, на случай смерти делаю следующее распоряжение.

1. Принадлежащие мне в городе Ташкенте участок земли, граничащий с улицами Романовской, Кауфманской, Самаркандской и Воронцовской, со всеми строениями, а, в том числе, и Дворец с Музеем и со всем находящимся в нем имуществом, а также принадлежащие мне:

2. Участки земли с постройками (кинематограф «Хива» и флигель), находящиеся в том же городе на углу Романовской и Кауфманской улиц;

3. Участки земли, занятые лавками на базарах моих имений «Золотая Орда» в Голодной Степи и «Искандер» в Ташкентском уезде;

4. Два моста, из которых один находится на реке Сырдарья у Запорожья в Ходжентском уезде, а другой – на реке Чирчик близ моего имения «Искандер»;

5. Здание кинематографа «Летняя Хива», находящееся на участке, принадлежащем ведомству Народного просвещения,

завещаю в пожизненное владение Надежде Александровне Искандер, в знак признательности за ее сотрудничество и содействие по орошению мной мертвых земель в Средней Азии и насаждению русских поселков на Искандере и в Голодной Степи с тем, чтобы после кончины ее, Надежды Александровны Искандер, все вышеозначенное имущество перешло в полную собственность Ташкентского университета.

Великий князь Николай Константинович Романов¹

К дневнику великого князя была приложена сильно пожелтевшая вырезка из «Нашей газеты», органа Советов Солдатских и Рабочих депутатов Туркестанского края, № 13 от 17 января 1918 года:

ПОХОРОНЫ ГРАЖДАНИНА РОМАНОВА

Вчера в Ташкенте состоялись похороны б. великого князя, гражданина Николая Романова, скончавшегося в воскресенье, 14 января, в 6 часов утра. Тело Романова предано земле у ограды Военного собора.

Читатель! Перед тобою реконструированный мной дневник самого знаменитого туркестанского ссыльного. Простудированные многочисленные документы и устные воспоминания позволили мне представить реальную картину жизни в Ташкенте великого князя Николая Константиновича. Известный поэт «серебряного века» К.Р., выдающийся общественный деятель и генерал, назвал судьбу своего старшего любимого брата «мучительным положением» и «нравственной тюрьмой». Но, как мы видим, августейший изгнанник за сорок три с лишним года неволи не пал духом, не сломался!

¹ Подлинный текст этого завешания Николая Константиновича сохранился и в городском архиве Ташкента (Фонд 10. Опись 13. Документ 84. Лист 14.). То, что духовное завешание Николая Константиновича действительно составлено, подписано и предъявлено завешателем, подтвердили подписями протоиерей Петр Николаевич Богородицкий, доктор медицины Петр Фокич Боровский и удостоверил по заявлению Надежды Александровны Искандер нотариус Иван Васильевич Беляев в своей конторе на Ирджарской улице в доме Азовско-Донского коммерческого банка 27 января 1918 г. (реестр №368).